

Научно-исследовательский
центр демократического
развития
им. Андрея Сахарова
Университет
Витаутаса Великого

НАВЕДЕНИЕ МОСТОВ

Размышления о другой России

Вторая конференция памяти Леонидаса Донскиса

С участием Вячеслава Бахмина, Евгения Гиндилиса, Михаила Шишкина и Эндрю Вуда

Отчет о конференции

Организаторы

ANDREI SAKHAROV
RESEARCH CENTRE
FOR DEMOCRATIC
DEVELOPMENT
at Vytautas Magnus University

LIETUVOS RESPUBLIKOS
UŽSIENIO REIKALŲ MINISTERIJA
MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS
OF THE REPUBLIC OF LITHUANIA

VYTAUTO
DIDŽIOJO
UNIVERSITETAS
MCMXXII

Введение

Роберт ван Ворен

Более сорока лет я занимаюсь Советским Союзом и Россией и постепенно начинаю вникать в суть предмета моего интереса. Однако мне также становится ясно, что до конца понять Россию все равно не получится. Следует перестать думать логически, потому что логика здесь не работает. Нужно научиться чувствовать Россию – вы можете ее любить и ненавидеть, и эту двойственность по отношению к своей стране разделяют многие, если не большинство россиян. Разница, однако, заключается в том, что русские, как никто в мире, любят подшучивать над собой и своей страной. У них исключительно хорошо развита самоирония. Я же, как иностранец, остаюсь чужаком, которому полагается следить за своими словами, потому что любое критическое замечание может вызвать негативную реакцию. Лучше всего смеяться вместе с русскими, когда они сами смеются над собой.

Когда я принимал на работу в свой фонд новых сотрудников, я внимательно прислушивался к их мнениям. Если они начинали распространяться исключительно о том, как горячо любят Россию, ее культуру, людей и гостеприимство, я не брал их на работу. Когда же кто-то признавался мне, что его раздражает противоречивое чувство, смесь любви и ненависти к своей стране, я знал, что передо мной подходящий кандидат.

Когда я был еще молодым правозащитником, на заре того, что можно назвать моей карьерой, я познакомился с советским диссидентом, одним из участников демонстрации на Красной площади против вторжения в Чехословакию 25

августа 1968 года, после которой он был подвергнут принудительному лечению в психиатрической больнице. В 1980 году этот диссидент, Виктор Файнберг, ехал в машине с известным историком **Андреем Амальриком**, его женой Гюзель и одним их приятелем – они направлялись в Мадрид, чтобы выразить протест на проходившей там конференции по Хельсинкским соглашениям. Будучи лицами без гражданства, они должны были попасть в страну нелегально и потому пытались въехать в Испанию через Андорру. Они заблудились и только через сутки сумели выбраться на дорогу, ведущую в Мадрид. Там машина попала в аварию, и Амальрик погиб.

Позже **Файнберг** сидел в моем гостиничном номере и курил «махорку» (к которой пристрастился в заключении) – отвратительный табак, крепче, чем «Gauloises» и «Беломорканал». Он делал самокрутку из обрывков газеты «Правда», и ядовитый синий дым окутывал его лицо. «Как же произошла эта авария, Витя? – спросил его я. «Понимаешь, – ответил он, затягиваясь махоркой. – Если в машину посадить четверо русских, то у них неизбежно возникнет пять мнений».

Это, конечно, трагикомическая история, но постепенно я убедился, насколько Витя Файнберг был прав, – на протяжении многих лет я был вовлечен в борьбу за лидерство между различными диссидентскими группировками на Западе, в то время как в Советском Союзе их коллеги-диссиденты подвергались арестам, и их совершенно не волновало, кто был «лидером», представляющим их на Западе. Если и существовал настоящий «лидер», то им, безусловно, был Андрей Дмитриевич Сахаров, хотя он старался держаться подальше от этих междоусобиц и был выше мелкой борьбы за первенство.

Так что моя жизнь с Россией началась фактически с «Другой России», правозащитного движения, удивительного круга особенных людей, которые пустили меня к себе, даже не зная, кто я, делились со мной своими историями, счастьем и горем, как будто я был одним из них, а их юмор, меланхолия, мудрость и настойчивость коренным образом изменили мою судьбу. Я влюбился в эту Россию, которая действительно существует, с ее необычайным хлебосольством и душой нараспашку. В то же время я столкнулся с иной, суровой Россией, жестким государством, безжалостным и мстительным аппаратом, не щадящим своих граждан, когда они осмеливаются плыть против течения, и исторически построенным на страхе, а с советских времен – на откровенном терроре. Как недавно выразилась одна из правозащитниц «Мемориала» Ирина Флиге, “в России существует бесспорная, давняя и фундаментальная презумпция, что государство имеет прерогативу убивать своих граждан, и все «правозащитные» сообщения подчинены этой презумпции.”

Сегодня мы наблюдаем и другое измерение этой России, представляющее собой почти полный симбиоз или слияние преступности и власти, – вот почему сегодняшняя Россия такое опасное место. Более опасное, на мой взгляд, чем в советские времена, когда, как ни странно, существовала определенная законность, когда убийства оппонентов не были поставлены на конвейер, а случаи гибели таких диссидентов, как **Юрий Галансков**, **Василий Стус** и **Валерий Марченко**, были довольно редкими.

Иногда – как в случае с Анатолием Марченко – они, помимо всего прочего, были результатом инертности и неповоротливости бюрократической системы. Сегодня же никому не гарантирована безопасность – ни внутри страны, ни за ее пределами. Складывается впечатление, что вернулись времена Управления спецопераций НКВД, когда противников режима убивали или взрывали, как при ликвидации Евгения Коновальца на бульваре Коолсингел в Роттердаме. За последние два десятилетия убийства стали характерной чертой путинского режима и встречаются российским правительством с абсолютно циничным безразличием.

В то же время мы задаемся вопросом, наступит ли когда-нибудь момент, когда российское население окончательно очнется от этого кошмара и поймет, что нынешний режим заинтересован не в благополучии нации, а исключительно в собственном благополучии, постепенно ведя страну к пропасти. Один из моих друзей недавно написал: «Как возможна настоящая политика без настоящих политиков? Вы не можете сбежать с подводной лодки. Все общество погружено в глубокую депрессию от неспособности планировать, от осознания своей нестабильности».

За последние два десятилетия страна с молниеносной скоростью возвращалась обратно в советские времена, и все усилия по развитию гражданского общества и установлению законности оказались напрасными. Несмотря на то, что популярность Путина снижается, он по-прежнему упорно контролирует ситуацию в стране, хотя становится все более очевидным, что общество взбудоражено и в ближайшие год-два может достичь точки кипения, что, возможно, приведет к кровавым столкновениям или даже гражданской войне. И тогда, если произойдет смена режима, преемник Путина может оказаться еще более одиозным персонажем. Соседние страны, такие как Грузия и Украина, ощущают на себе прямое воздействие этого психопатологического режима, сумевшего состряпать гремучую смесь советизма, сталинизма и имперской России, а российское население является его жертвой, пребывая в состоянии своего рода хронического Стокгольмского синдрома.

Однако мы также знаем, что есть и другая Россия. Мы ее почти не видим, но знаем, что она есть, как и в советское время. Теперь, тридцать или сорок лет спустя, нам известно, что в советской системе было гораздо больше «проводников перемен», чем мы думали. Государственные служащие или дипломаты, которые, рискуя своими должностями и, возможно, даже карьерой или жизнью, пытались изменить систему изнутри, как, например, **Анатолий Ковалев**, один из главных советских дипломатов, участвовавших в переговорах по Хельсинкским соглашениям 1975 года. Картина была отнюдь не монолитной, как мы думали на Западе, но в то время нам все казалось черно-белым, хорошим или плохим.

Сегодня в этом плане почти ничего не изменилось.

Поэтому одна из причин организации этой конференции заключается в том, что мы должны противодействовать мышлению в черно-белых стереотипах и не забывать о том, что есть еще «Другая Россия», которая не является путинистской, не считает

пакт Молотова-Риббентропа крупным дипломатическим успехом, а всех украинцев «иудо-бандеровскими фашистами». Мы знаем, что существует российская оппозиция, и особенно **все громче заявляющее о себе молодое поколение**, чьи надежды и мечтания не отличаются от надежд и мечтаний молодежи в других частях Европы. Мы также знаем, что есть значительное количество россиян, пусть и не принадлежащих к этой оппозиции, но одновременно не желающих иметь ничего общего с нынешним режимом и стремящихся жить нормальной, достойной жизнью без фальшивого величия принадлежности к Потемкинской империи, где небольшая группа чрезвычайно богатых людей грабит страну и лишает ее всех ценностей, при этом даже не признавая и не понимая их значения.

Подобно тому, как Хельсинкские соглашения 1975 года и последовавший за ними процесс значительно укрепили правозащитное движение в Восточном блоке и, несмотря на усиливающиеся репрессии, подорвали советский режим и привели к распаду советской империи, мы должны найти способы протянуть руку помощи «Другой России», как видимой, так и невидимой, и найти способы навести мосты в будущее. Потому что наступит время, когда эта другая Россия обретет больше силы и на смену нынешнему режиму придет порядок, построенный на истинном понимании реальности, а не на поддельном патриотизме, на осознании того, что добрососедские отношения гораздо выгоднее попыток запугивания своих соседей в целях их подчинения.

Этот момент, я уверен, исторически неизбежен, и мы можем приблизить его, обратившись к той «Другой России», которую мы сегодня будем обсуждать.

Сегодня здесь собрались уникальные специалисты по этим вопросам. Среди них бывший советский политзаключенный, входивший в Московскую Хельсинкскую группу; известный российский кинорежиссер, фильм которого мы смотрели сегодня утром; российский обозреватель журнала «The Economist», недавно опубликовавший великолепную книгу «The Invention of Russia (Изобретение России)»; один из самых известных российских современных писателей Михаил Шишкин; и бывший посол Великобритании в Москве сэр Эндрю Вуд.

Нет среди нас лишь Леонидаса Донскиса, которого мы вспоминаем сегодня. Он скорострительно скончался три года назад по дороге в свой любимый Санкт-Петербург. Он тоже испытывал эту двойственность по отношению к России, будучи русофобом и русофилом одновременно. Он был бы очень рад присутствовать здесь и участвовать в нашем обсуждении. Мысленно он сегодня с нами.

Роберт ван Ворен – исполнительный директор Исследовательского центра демократического развития имени Андрея Сахарова при Университете Витаутаса Великого.

Я понимаю свою задачу в своем коротком выступлении всё-таки рассказать то, что я знаю больше и лучше всего. А лучше всего я знаю, что происходит с гражданским обществом в моей стране, поскольку сам я могу считать, что уже этим 50 лет занимаюсь – развитием гражданского общества в Советском Союзе, а потом в Российской Федерации. Конечно, мой взгляд будет взглядом оттуда, изнутри гражданского общества. И этот взгляд, наверное, покажет вам то, о чем говорил Роберт, что в России ситуация не черно-белая, это очень непростая, сложная, цветная ситуация, в которой есть место всему: есть место ужасному и замечательному, есть место красивому и безобразному, как вообще-то и везде в жизни. И это надо иметь в виду.

Я забыл поблагодарить за то, что меня сюда пригласили. Я очень рад выступать перед этой аудиторией. Я не первый раз в Литве, был и в советское время, и уже сейчас в независимой Литве. Мы все очень любим Балтийские государства и Литву, в частности. Так что я признаюсь в этой любви. Было приятно и увидеть Вильнюс и Каунас, и вспомнить про Чюрлениса, которого мы все обожали в свое время. Но это как бы argoros.

Итак, я бы хотел просто сказать о тех тенденциях, которые существуют сейчас в стране с точки зрения развития гражданского общества. Во-первых, само гражданское общество – это непонятно что, потому что его можно определять по-разному. Можно определять это, как я обычно говорю, – как общество граждан. То есть, в каждом обществе есть люди, которых мы называем “обыватели” – то есть те, которые просто живут своей жизнью, у которых свои какие-то интересы и они, в общем, не сильно думают о том, что происходит вокруг. Есть люди, которых мы

называем “подданные” – это все-таки люди, которые думают, но думают о том, как лучше вписаться в эту власть, служить этой власти (такие люди есть в любом государстве), для которых государство важнее человека и важно, чтоб оно было сильным. Есть люди “граждане”. И вот, на мой взгляд, гражданское общество – это общество граждан. Граждан не по паспорту, а граждан по своему отношению к стране, к тому, что в ней происходит. Эти люди должны быть сознательные, ответственные, они должны понимать, что происходит, стараться делать страну другой, лучше – так, как они это понимают.

Если говорить о таком гражданском обществе, то оно состоит из структурного элемента (некоммерческих организаций, так называемых) и просто разных движений активных граждан, которые временно собираются, потом расходятся и решают какие-то свои проблемы. Если говорить даже о структурированной части, то мы видим, что есть то самое гражданское общество, про которое я говорил, но есть еще и люди, которые тоже собираются в какие-то группы, но они поддерживают власть, то есть они лояльны к власти, они стараются работать на власть и противостоять другой части гражданского общества, которая понимает, что то, что происходит в стране, нуждается в изменениях – то есть нелояльная часть. А есть еще так называемое темное гражданское общество. Это всякие и православные, и патриотические активисты, которые нередко борются с настоящим гражданским обществом, проявляют свою инициативу. Они находятся на стороне власти, но иногда даже критикуют власть за то, что она не слишком радикально борется со своими врагами. Так что сама картина гражданского общества очень разная.

Теперь несколько слов о тенденциях. Если в 90-е года и в начале 2000-х власть вообще не обращала внимания на гражданские организации, считая, что это какие-то там кружки кройки и шитья, которые что-то делают и нам это совершенно не важно, то в последнее время власть поняла, особенно после так называемых “цветных революций”, что гражданское общество может быть силой. И они стали потихоньку не только обращать внимание, но и работать с гражданским обществом, принимая законы, ограничивающие свободу гражданских организаций. С другой стороны – воспитывая тех, кто будет к ним лоялен, и противостоять тем, которые к ним не слишком лояльны. После принятия так называемых “законов о нежелательных организациях”, которые ограничивали поддержку некоммерческого сектора и в основном были обращены на организации доноры, которые поддерживали из-за рубежа некоммерческие организации, в стране зарубежное финансирование почти прекратилось или снизилось до очень небольшого количества. Если раньше некоммерческие организации поддерживались из-за рубежа в основном, то сейчас тенденция обратная и власть стала поддерживать некоммерческие организации. Это происходит последнее 10 лет, но только 3 года, с 17 по 19 год, это делает новая структура, которая называется Фонд Президентских Грантов и которая старается восстановить репутацию этой поддержки. Потому что до создания Фонда поддержка со стороны власти была очень непрозрачной, она была нацелена только на лояльные организации, на столицы, Москву и Петербург, а в провинцию деньги почти не попадали. Сейчас распределение средств идет гораздо более прозрачно и очень большие средства, по сравнению с какими-то другими источниками, идут

в гражданский сектор для поддержки социальных проектов разного рода. И это сделало более активной гражданскую часть населения.

Кроме того, идет профессионализация сектора. Опять же, за последние годы довольно много профессиональных ассоциаций появилось в некоммерческом секторе, начиная от юристов за гражданское общество и кончая ассоциацией фандрайзеров. Очень много таких ассоциаций, много обучения доступно для некоммерческих организаций. Сильно развивается благотворительность, то есть та часть гражданского общества, которая занимается благотворительностью и помощью бедным людям. Появились многочисленные частные фонды. Частные пожертвования стали тоже расти очень активно. И краудфандинг. То есть это все появилось в последние 5-10 лет и развивается довольно бурно.

И, конечно, рост идет благодаря тому, что развиваются информационные технологии, в частности интернет, про который мы все знаем и без которого мы уже не представляем себе жизни. То же самое и в России происходит, потому что в стране интернет сейчас неплохо развит. Больше 70% населения имеют доступ к широкополосному интернету. Могут пользоваться этим в том числе и некоммерческие организации. Такой доступ к новым технологиям, который революционен на самом деле для всех стран и для России в частности, он, конечно, сильно изменил ситуацию и дал гораздо больше власти обычным людям, гражданам и некоммерческим организациям, которая еще, может быть, десятка полтора лет назад была невозможной. В результате мы видим (и фильм этому был посвящен) рост гражданской активности разного рода. Начиналось это движение уже с 10-11-х годов нынешнего века, и в основном эта гражданская активность была проактивная, позитивная. Она состоит в том, что молодое поколение, часть людей этого возраста старалась уехать из страны, потому что не было возможностей для развития, для построения карьеры. И такая наиболее активная часть уезжала. Другая активная часть населения не хотела уезжать. У них задача была иной: они уже много чего видели, знают иностранные языки, у них неплохая материальная ситуация, и они хотят жить в своей стране и сделать страну другой.

Именно тогда появились эти лозунги: “Другая Россия”, “мы здесь хозяева, мы хотим сделать так, чтобы мы жили в другой стране”. И начиналось всё не с протестов, как было показано в кино, а начиналось просто с того, что эти люди старались делать вокруг себя жизнь другой. Это любые гражданские активисты, включая стрит-арт художников, которые меняли ландшафт вокруг себя, те, которые занимались экологическими проблемами и охраной, например, памятников архитектуры и так далее. То есть очень много появилось активных групп, и они до сих пор есть практически в каждом городе, которые меняют жизнь вокруг себя сами по себе и стараются сделать так, чтобы жизнь в стране была лучше. Но очень часто непосредственно через такую, казалось бы, не политическую активность они сталкиваются с системой, которая если не мешает им, то никак не помогает, а в некоторых случаях просто противодействует такой активности. Потому что любая власть не любит непредсказуемой активности. Всегда лучше, чтобы было все понятно и ожидаемо. И как только активисты сталкиваются с таким противодействием,

они политизируются. Так возникает политизация некоммерческого сектора, формируются те самые протестные движения, про которые мы видели фильм с утра.

В целом в обществе возникло серьезное раздражение тем, что происходит в стране. Практически любая профессиональная часть сообщества очень раздражена и недовольна тем, что происходит. Если мы возьмем, например, науку, то они недовольны тем, что власти фактически разогнали Академию Наук, отняли у нее всю собственность и управление наукой занимаются теперь совершенно другие люди. К тому же наука сейчас финансируется, как и многие другие направления, по остаточному принципу. То же самое касается врачей, людей, работающих в здравоохранении, и педагогов. Постоянные проблемы возникают и у бизнеса, в сфере театра и кино – и так далее, и так далее. То есть фактически каждая часть общества, и в том числе гражданское общество, гражданские организации – все они страдают от того, что они не понимают своего будущего. Оно непредсказуемо. Потому что законы устроены так, что фактически любой человек может быть виноват. У нас невозможно выполнять все законы, они противоречивы и неоднозначны. Поэтому каждый человек виновен, а наказывают очень селективно тех, кого надо. Если ты сегодня не сидишь, это просто как в 30-х годах говорили, это недосмотр властей. Мы, если нужно, найдем, за что тебя посадить. Это действительно так, потому что, кого посадить, решают, наверное, разные силы, но тем не менее наказать можно каждого. И наш суд всегда признает человека виновным, что мы хорошо знаем. У нас одна сотая процента оправдательных приговоров.

Кстати, есть данные, согласно которым 84% бизнесменов считает, что вести в России бизнес опасно, больше 70% уверены, что российские законы не защищают от необоснованного возбуждения уголовных дел. И этому так много иллюстраций, что просто уже становится очевидным. Естественно, что власть не понимает, как реагировать на возникающие тенденции, на те протесты, которые появляются. Мы видели, что это касается не только Навального. Потому что в свое время Навальный был одним из каналов трансляции этого недовольства. Фактически он был просто единственным каналом, известным по всей стране. Сейчас таких каналов стало гораздо больше и в смысле политических деятелей, молодых политиков, которые хотят заниматься политикой, что показал московский процесс, и гражданских активистов, которые упоминались выше и которые потом стали политиками. Например, наша мусорная реформа вызвала огромное количество недовольств и протестов больших групп людей. И опять же власти сложно что-то с этим делать. Единственный ответ, который для них понятен и очевиден, – это принимать все более рестриктивные законы, все более ужесточать наказания, сажать, штрафовать, бить и так далее. Но тюрем же не хватит на всех. Поэтому приходится думать, что делать. И вот сейчас происходит один из переломных моментов, когда власть должна будет решить, по какому пути идти, и совсем не очевидно, что это будет все большее увеличение репрессий, потому что это серьезный тупик для развития страны и для самой власти. То есть надо искать более изощренные решения.

Давайте, я на этом закончу. Если есть вопросы, то я отвечу.

Могут только еще добавить, что, конечно, в последнее время стало очевидным большое влияние спецслужб, оно неадекватное. Фактически все сферы контролируются из ФСБ. И ФСБ решает, что делать и с полицией, и со следственным комитетом, и со всеми другими институтами. То есть у них сейчас довольно большая власть, хотя между собой они тоже дерутся, но тем не менее вот эта безграничная власть спецслужб – то, что сейчас серьезно настораживает в нынешнем развитии страны.

Действительно, это совершенно замечательная и уникальная возможность здесь и показать нашу картину, и ее обсудить, и использовать это как повод для того, чтобы действительно поговорить о том, что положение в России гораздо сложнее, чем нам этого хотелось бы. Может быть, нам хотелось бы каких-то более простых решений и ответов, но их нет. И та работа, которую мы стараемся делать, в общем как раз и призвана эту сложность подчеркнуть. Я в принципе до 14-го года был, в терминологии Вячеслава, таким абсолютным обывателем, который был продюсером художественных фильмов и телевизионных сериалов, которые шли на федеральных каналах, и я практически никак не был в своей профессиональной деятельности вовлечен в политические процессы. Скажем так, я был в курсе всего того, что происходило, но, естественно, это никакого влияния на мою профессиональную длительность не оказывало. Но с момента, собственно, с момента Майдана и с момента аннексии Крыма, мне стало ясно, что тот момент, когда можно сохранять нейтральную позицию, уже прошел и что ситуация вынуждает нас принимать какие-то стороны. И единственной возможностью, которая была в моем распоряжении, — это была возможность перестать снимать художественное кино и начать снимать документальное кино, которое напрямую адресуется, напрямую связано с тем, что происходит вокруг нас.

Так получилось, что мы сначала сняли фильм про погибшего Бориса Немцова, мы даже, собственно говоря, сняли две картины про него, потому что это был страшнейший шок для нас для всех, эта смерть. И эти картины, на самом деле, были очень важны, потому что они показали, что в обществе существует огромный спрос на честный и прямой разговор о том, что происходит сегодня. Это то, что невозможно на телевидении ни на каком. Те каналы коммуникации, которые существуют, они достаточно ограничены. В 2015-2016-ом годах еще не было в полной мере того феномена, который мы видим сейчас с расцветом Ютюба. И аудитория канала “Дождь”, который является единственным оппозиционным средством информации. Она как бы минимальна. Поэтому возможность показа фильма, который выходит в кинотеатрах, когда люди могут публично прийти в кинотеатр и увидеть там фильм

про убитого политика, само по себе оказывается колоссальным фактором. Я помню какой мощнейший, совершенно эмоциональный всплеск произвела премьера фильма о Немцове в Москве зимой 16-го года. Это кинотеатр Октябрь, который является центральным залом в Москве, в который помещается полторы тысячи человек. И когда эти полторы тысячи человек в течение десяти минут после того, как фильм заканчивается, устраивают овацию погибшему Борису Немцову, — это само по себе становится очень существенной политической демонстрацией.

И это возможно, и это происходит, и эти фильмы снимаются. Не только мы этим занимаемся. На самом деле, в принципе, все поле документального кино на сегодняшний день является в значительной степени центром, в котором формируются новые идеи, в котором изучается реальность и где все новое поколение, которое выросло за последние 30 лет, пытается себя каким-то образом реализовать и найти ответы на те вопросы, которые существуют перед обществом.

То, что касается сегодняшних, собственно говоря, событий и вот того, что произошло после того, как фильм наш был закончен, — это очень, действительно, интересный процесс, потому что я жалею, что у нас нет возможности снимать вторую серию этого фильма, потому что она в общем напрашивается. Потому что те события, которые мы попытались отразить, происходили в 2017-2018-ом годах и напрямую связаны с тем, что происходит сейчас. Потому что, в значительной степени, волна протестов московских, которые развернулись этим летом, связаны с тем, что в 2017-ом году была одержана очень важная победа в Москве, когда довольно большое количество молодых политиков смогли выбраться в муниципальные депутаты. Более 200 человек получили возможность работы муниципальными депутатами, и при том, что у них довольно ограниченные полномочия и они мало что могут сделать, тем не менее, это дало им возможность получить на локальном уровне довольно серьезную поддержку. Они стали пользоваться авторитетом. И то, что казалось два года тому назад невозможным, собрать 5000 подписей для того, чтобы выдвинуться в депутаты московской городской думы, стало для них вполне достижимым результатом этим летом. Это на самом деле был неожиданностью и для них самих, и для власти. Потому что, скажем так, барьер был специально создан для того, чтобы иметь возможность неугодных депутатов, неугодных кандидатов в депутаты отсекают. И, собственно, эта поддержка, которую они смогли собрать, и обеспечила эту начальную стадию тех протестов, которые, как мы видели, развернулись в Москве.

Конечно, очень важно сказать, что по сравнению с тем, что было в 2011-2012-ом годах, совершенно другой профиль тех людей, которые сейчас участвуют в оппозиционных акциях. Доля молодежи в них в 3-4 раза превышает среднее количество молодых людей в населении страны. То есть, порядка 30% людей, которые участвуют в оппозиционных акциях, — это молодежь. Для них, действительно, то, чем их пугают, пытаются остановить, те способы, которые используются властью, на самом деле оказываются недействующими, потому что им не страшны эти репрессии, они готовы идти под арестные статьи. И мы видим, как эта большая волна летних арестов, когда больше полутора тысяч человек только в Москве было после 27-го июля арестовано, как это вызвало совершенно не прогнозируемую властями реакцию, потому что в

эту волну арестов оказались вовлечены люди, которые были совершенно далеки от оппозиционной или протестной деятельности. В это оказались вовлечены семьи, в это оказались вовлечены те гражданские группы, о которых как раз мы только что слышали. Это вызвало крупнейшую волну поддержки, и, собственно, протест стал приобретать характер абсолютно легальной, поддерживаемой большой частью общества деятельности. По социологии мы видим, что на сегодняшний день практически половина людей в Москве и по стране поддерживают в той или иной степени людей, которые выходят на протесты. И это очень существенное изменение по сравнению с тем, что было даже в 2017-ом или 2018-ом году. А это в значительной степени связано с тем, что оппозиция и те люди, которые настроены на изменения, выигрывают войну медийную. Что мы, собственно говоря, наблюдаем и что мы сейчас фиксируем? Мы фиксируем то, что государственное телевидение на сегодняшний день не способно контролировать и доносить необходимый для властей месседж. Они не могут, собственно говоря, формировать общественное мнение в том виде, в котором им это нужно. Общественное мнение на сегодняшний день формируется благодаря Ютубу. В Ютубе есть несколько абсолютно бесспорных лидеров общественного мнения. Мы уже второй год фиксируем потрясающий совершенно эффект журналиста Юрия Дудя, который крайне успешно доносит очень важные меседжи до огромного количества людей. Известны цифры просмотров его последнего фильма про Беслан. Буквально на протяжении нескольких дней – это больше 10 миллионов человек, которые смотрят трехчасовой, подробнейший, тяжелейший фильм про бесланскую трагедию. 16 миллионов человек посмотрели предыдущий фильм Юрия Дудя про Колыму. И это несопоставимые совершенно цифры с теми цифрами, которые на сегодняшний день достигает государственное телевидение, первый или второй канал, программы государственных пропагандистов. И эти же люди, такие, как Юрий Дудь или рэпер Оксимирон, они же призывают свою аудиторию к поддержке тех митингов за честные выборы, тех митингов против политических репрессий. И благодаря их поддержке, на последний санкционированный митинг в Москве, который был летом, вышло более 60 тысяч человек, на площадь Сахарова, что в общем сопоставимо с числом тех людей, которые выходили на улицу в 2011-2012-ом годах.

И, наверное, последнее, что я хочу сказать, – это то, что эта политическая составляющая, она, действительно, на сегодняшний день пронизывает уже все части нашей жизни. То есть если в 2016-2017-ом годах был какой-то баланс, тогда казалось, что можно добиться какого-то компромисса, когда в Москве существует такое перемирие, такой нейтралитет между властью, которая занимается тем, что мостит плитку и устраивают городские праздники, создает такой образ европейского города, и городским средним классом, профессионалами, которые в эту деятельность вовлечены и власть в этом направлении поддерживают. Вот этот паритет полностью на сегодняшний день разрушен. Его нет, и вся эта летняя история на самом деле вскрыла чудовищные противоречия, которые существуют между даже этим либеральным крылом путинского режима и основной частью населения. Вот этот мирный договор, который существовал, оказался полностью нарушен.

В самом русском тексте русской литературы, в “Мертвых душах” Гоголя, он сравнивает Россию, как известно, с птицей-тройкой, которая мчится куда-то, очевидно, в прекрасную Россию будущего, обгоняя другие страны и государства. Сколько поколений школьников читали эти строчки и исполнялись надеждой и верой в то, что куда-то же бречка эта примчит. У Гоголя не было того исторического опыта, который есть у нас. Для него Россия мчалась в будущее, в светлый и прекрасный 20-й век. Мы, глядя из 21-го века, понимаем, что Русь-тройка мчалась в пропасть, в катастрофу, какой еще никогда не было. Обладая тем опытом, который есть у нашего поколения сейчас, наверное, сравнил бы Русь с поездом метро, которое ездит по туннелю из одного конца в другой конец и обратно. Вот один конец — это диктатура. В России это называется “порядок”. Другой конец – демократия. Мы в России никогда не знали, что такое демократия. Там есть понятие “дерьмократия” – то есть анархия, хаос. И вот этот русский поезд ездит туда-сюда и никак не может из этого туннеля вырваться. Нашему поколению посчастливилось проехать на этом поезде из позднего “совка” в свободу, или в хаос, как посмотреть, в 90-х и на этом же поезде вернуться в новую русскую империю, в новую русскую диктатуру 21-го века. Наивно думать, что диктатуру захотели построить какой-нибудь Путинкин и Медведкин на пару: “А давайте-ка введем в России диктатуру!” Построение диктатуры – совместные усилия всего общества. Если б не было общественного запроса на диктатуру в 90-е годы, никакой Путин бы не смог установить того режима, который сейчас установился. Это был запрос населения на порядок.

Когда Горбачев пришел к власти, здесь на Западе все очень радовались, потому что казалось, что наконец-то сейчас там установится тоже демократия. Но что сделала старая западная демократия, чтобы помочь юной демократии установиться

в России? Они не сделали ничего, потому что нужно было сделать одну простую вещь – нужно было показать на своем примере, что такое демократия, что такое правовое государство. В России этого никогда не видели и не знают. А мы приехали сейчас в диктатуру 21-го века, которая изучила все ошибки предыдущих диктатур. Я родился в диктатуре, которой нужны были рабы, поэтому была колючая проволока. Новой диктатуре рабы не нужны, нужны только добывающие технологии и труба. И Запад, куда можно продавать нефть и газ и где эти деньги можно использовать. Население новой диктатуре вообще не нужно. Поэтому они там наверху сразу сказали: границы открыты, все, кто недоволен, пожалуйста, скатертью дорога. Вот это новый тип диктатуры. Но самое главное – этот режим вообще не мог бы установиться и существовать без активной поддержки западных демократий. Что показали западные демократии русским, как работает демократия? Они показали, что все живет по одному неписаному закону: там, где начинаются большие деньги, правовое государство заканчивается.

Я очень много лет работал переводчиком в Швейцарии. Я прекрасно изнутри знаю, как работает глобальная машина по отмывке денег. Знаю, как последние 30 лет все здесь радовались притоку больших денег из России. Все большие деньги, которые идут из России, – это деньги криминальные. Точка. Это не обсуждается. Власть захватила банда, которая взяла в заложники страну, взяла в заложники народ, отнимает у этого народа принадлежащие ему природные богатства и продает их на Западе. Значит, как должно было поступить правовое государство? Преступники должны сидеть в тюрьме. И все. Нужно просто следовать своим законам, ничего больше ненужно делать. Вот это была бы настоящая помощь молодой демократии в России. Просто следовать своим законам. Сколько было по этим законам посажено преступников из России и их укрывателей в Швейцарии, в Америке, в Германии? Вот результат, который мы теперь имеем. Если бы Россия имела дело с настоящими правовыми государствами на Западе, у нас бы была сейчас совсем другая страна.

Вот мы сегодня смотрели прекрасный фильм, где люди кричат “Путин, уходи!”. Неужели так сложно понять, что в России все время играет одна и та же пьеса, одна и та же пьеса играет много сотен лет, где Путин только актер. Вот в роли русского царя кого мы только не видели за последние несколько столетий. Каждый актер приносит что-то свое оригинальное в трактовку роли, безусловно, но он не может роль изменить. Проблема России не в том, чтобы Путин ушел, он и без того уйдет так или иначе, а в том, чтобы изменить пьесу. Вот как пьесу изменить?

А пока мы знаем, что поезд только туда-сюда ходит. Значит, очевидно, что мы знаем, какие будут следующие станции. В России продолжится тот процесс, который шел, — полураспад империи. Мы видели полураспад в 17-ом году, когда Российская империя развалилась за три месяца. Мы видели этот полураспад в 91-ом году, когда Советская империя развалилась за три дня. Очевидно, биологические часы тикают, это может завтра произойти, а может через десять лет. Но мы увидим, как постсоветская империя развалится за три часа. Россия как Советский Союз, как поздний совок, беременна новыми национальными государствами. Мы увидим сразу, как первыми уйдут чеченцы, Северный Кавказ, другие национальные республики, Сибирь,

которая скажет: “А почему мы должны кормить Москву? Почему мы не можем сами продавать китайцам свои богатства?” Совершенно очевидно, что вот та федерация, которая сейчас держится «вертикалью власти», развалится моментально. Хорошо это или нет... Это произойдет. Вопрос: те государства, которые возникнут на обломках России, будут они демократическими государствами?

Будущее – это перчатка, а рука – это прошлое. С таким прошлым, которое никогда не знало и не видело ни правового государства, ни демократии, почему вдруг на обломках Российской Федерации возникнут демократические государства? Очевидно, будет ожесточенная борьба за власть, может быть, не дай Бог, кровавая борьба за власть. И все это будет происходить в стране со ржавым атомным оружием. Естественно, что у населения снова возникнет общественная потребность в порядке. Очевидно, что снова на вопрос “А что делать?” найдется человек, который скажет: “Я знаю, что делать. Нам нужна крепкая рука”. И я убежден, что большую роль опять в этом сыграет Запад, которому будет намного приятнее, чтобы атомное оружие в России кто-то контролировал своей крепкой рукой. И Запад поддержит ту диктатуру, которая победит в России. Ну и так далее.

Для начала, я не считаю, что мы встречаемся не в тот момент, когда все становится хуже и хуже. Может, оно так и выглядит. Однако я думаю, что все в чем-то, ситуация становится лучше, хотя это не всегда заметно со стороны. Дело в оптике. И вопрос в том, кто является той «другой Россией» и в чем их отличие? «Другая Россия» – это те 2 миллиона человек, которые смотрят российские пропагандистские каналы? Или те 10 с половиной или 16 миллионов, которые смотрят Юрия Дудя? Я не уверен, относятся ли к “Другой России” те, кто получает информацию в интернете и считает насилие со стороны правоохранительных органов во время московских протестов чрезмерным, ненужным и жестоким, и таких примерно 48-60%, или те, кто в основном смотрит телевизор и оправдывает насилие со стороны государства? «Другие» это те кому 20-30 лет, кто живет в городе и кто жаждет справедливости или это тот, кто цинично принимает порядок вещей и приговаривает «в следующий раз не пойдешь на митинг»? Кто тут «настоящий», а кто «другой»?

Мне кажется, что мы – и Россия в этом ни в коем случае не уникальна, это происходит повсюду – мы находимся в конце весьма длительного исторического цикла, который начался около 30 лет назад, когда, как говорил Фукуяма, «заканчивалась история» и рушился коммунистический режим. Этот цикл, мне кажется, подходит к концу во всем мире – в Соединенных Штатах, в Великобритании, в Европе. И в России он тоже подходит к концу. Если вы посмотрите на то, что происходит на периферии, в Армении, Украине, Грузии с некоторыми различиями – это то, что на самом деле происходит и в России, это явления одного порядка. Мы видим конец политических партий. Мы видим конец консенсуса, каким бы он ни был после окончания холодной войны, мы видим поколенческий сдвиг. И история далеко не так очевидна, как кажется. Прежде всего, название этой конференции – “Наведение мостов”, и идея

Сахарова, идея конвергенции, сейчас актуальна как никогда.

Многие считают, что Россия обречена оставаться авторитарной, нефтезависимой страной. Я не являюсь историческим детерминистом, я думаю, что нет ничего более вредного в попытке описать процесс и то, что может произойти, просто обращаясь к истории. Тот факт, что чего-то не было раньше, не означает, что этого не произойдет сейчас. Я имею в виду, что если бы это было так, то ни одна страна не смогла бы развиваться. Если бы это было так, то ни одна западная страна не перешла бы от того, что замечательный американский институциональный экономист Дуглас Норт определил порядком ограниченного доступа, при котором элиты решают вопрос о доступе к политическим и экономическим ресурсам, к открытой системе, где доступ к политическим и экономическим ресурсам определяется конкуренцией и верховенством закона.

Теперь относительно гоголевской тройки... Это один из самых укорененных мифов в русской истории – миф о великом рывке вперед. Смысл гоголевской тройки заключается в том, что, поскольку Россия из-за крепостничества, пьянства, бесправия отставала от остального мира, она могла сделать этот большой скачок вперед и обогнать все другие страны. Россия – это невероятно идеоцентричная страна, не случайно здесь так легко приживается идеология. Слово значит очень много в России – отсюда такая гипертрофированная роль литературы. Россия – страна, которой необходима цель и идея. В этом смысле она не отличается от Америки своей исключительностью. То, что мы наблюдаем за последнее десятилетие, – это то, что Россия стала маяком консерватизма, национализма, имперского национализма, агрессии и т. д. Мой тезис заключается в том, что на следующем витке истории Россия с большой вероятностью, и если мы посмотрим на улицы Москвы, заглянем в российское интернет-пространство и проследим за российскими дебатами, то убедимся, что существует большая вероятность того, что Россия действительно сделает этот скачок и станет маяком крайнего, я бы не назвал это либерализмом, но, безусловно, либертарианства и индивидуализма.

Потому что, когда Алексис де Токвиль писал в своей книге “Демократия в Америке”, что Америка представляет собой свободный мир, а Россия является воплощением тирании, он был прав, но лишь до некоторой степени, потому что другая сторона этой тирании на самом деле анархия. Не стоит забывать, что именно анархическую идею дала Россия миру. Вот почему государство тиранически пытается подавить существующие в обществе индивидуализм и свободу. Именно это мы и наблюдаем на улицах Москвы.

Из русской истории нам известно, что, отчасти из-за слабости институтов, ни один последующий лидер, ни один новый лидер, не повторяет действия своего предшественника, не идет в том же направлении. Единственный путь самоутверждения российских лидеров – царей, генеральных секретарей, президентов – это отказ от наследия своих предшественников. Путин – лучший тому пример. Путин был назначен на пост президента в качестве преемника Ельцина, он занял этот пост не по требованию собственно русского народа... В скобках,

небольшое отступление, я бы поспорил с тем, что сказал Михаил в отношении запроса на диктатуру. Ельцин, как все, вероятно, согласится, был очень крупным политиком, с животным инстинктом власти. Он не был наивным идеалистом. Борис Ельцин всерьез считал до определенного момента, что человеком, который придет ему на смену, может быть Борис Немцов. Запрос был именно на это. Все изменилось в 1997-1999 годах. Тому было много причин – войны олигархов, уничтожившие правительство младореформаторов, финансовый кризис 1998 года, война на Балканах. Дело сейчас не в этом. Дело в том, что Путин был поставлен туда семьей Ельцина, небольшой группой олигархов, чтобы сыграть отведенную ему роль. Но даже он, представлявший интересы олигархов и назначенный с целью защиты их имущества, с целью продолжения начатого курса, даже он в течение 15 лет полностью опрокинул политическое наследие Ельцина. Так что следующий лидер, кто бы ни был следующим лидером, в свою очередь перевернет путинское наследие с ног на голову, и именно поэтому Запад должен быть готов к этому моменту, он должен навести мосты сейчас, определить людей, с которыми предстоит иметь дело, и я думаю, это следует сделать в довольно короткий период времени.

И одна из самых важных вещей, происходящих сегодня в России, Женя говорил об этом, – это существование двух России: есть своего рода старая телевизионная Россия и есть интернет-Россия. То, как вы получаете информацию, несомненно, формирует вашу картину мира. Мы знаем, что произошло полное слияние СМИ с политикой, что политики – это медиа-машины. Трамп – это медиа-машина, Алексей Навальный – медиа-машина. Но мне интересно не то, что делает Юрий Дудь или рэпер Oxxxymiron, потому что они, как бы талантливы они ни были, я не думаю, что они задают нравственные ориентиры и ценности – мы живем не в эпоху Толстого. Мы живем в эпоху медиа, интернета и т. д. Самое интересное в отношении Дудя и его 16 или 10 миллионов просмотров заключается в том, что не он говорит своим подписчикам выходить на улицу, а зрители говорят ему, что их интересует. И будучи очень чувствительным и подкованным в средствах массовой информации человеком, он чувствует запрос. Это процесс, основанный на спросе, а не на предложении. И то, что вы видите со стороны спроса, это то, что молодые люди в возрасте 20-25-30 лет, которые выросли, ничего не зная о Советском Союзе, без ностальгии по нему, которые на самом деле ничего не знают, кроме Путина, и считают, что они уже живут в нормальной стране, они не понимают, почему в нормальной стране с велосипедными дорожками, с хорошими ресторанами, с возможностью выезжать за границу, почему спецназовцы должны приезжать, бить их дубинками и сажать их в тюрьму. Именно поэтому Путин и Кремль соблюдают осторожность в использовании репрессий. Потому что на самом деле это очень опасно. Ведь можно утратить симпатии населения и потерять легитимность в одночасье. И тот факт, что они отступают, очень-очень важен, даже более важен, чем тот факт, что они используют насилие. Повторюсь, не стоит перебарщивать с историческими параллелями, но и игнорировать их не следует.

Послушайте, Советский Союз был очень мощной системой и крайне репрессивной системой с гораздо более мощным КГБ и гораздо более многочисленной армией. В декабре 1990 года Горбачев, находясь под влиянием КГБ и опасаясь, что теряет

власть, сделал свой знаменитый сдвиг вправо. И силовики, КГБ, на короткий срок перехватили инициативу, пытаясь продемонстрировать свое влияние введя войска в Вильнюс в январе 1991 года, а затем организовав ГКЧП в Москве в Августе 1991. Результатом этого стала мгновенная утрата легитимности,. Заголовки в российских, советских СМИ в то время кричали, что “это режим, который пытается уцепиться за власть”.

Использование репрессий – это опасная игра, если вы не уверены, что сможете развязать массовые репрессии в масштабах Китая на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. Так что то, что я вижу, на самом деле своп, смена ролей, если хотите: то, что раньше было “другой” Россией, Россией правозащитников, оппозиции, все это станет “главной” Россией. А путинская Россия станет “другой” Россией. И это процесс, который трудно измерить в опросах, хотя все признаки налицо. Сахаров, один из величайших умов человечества XX века, был прав, хотя его считали наивным, когда он рассуждал о сближении социалистической и капиталистической систем. Именно потому, что он был великим физиком и потому что не был заложником идеологических концепций, он смотрел гораздо глубже на права человека, достоинство и прочее, что не зависит от того, в какой партии вы состоите.

Но допустим, он был наивен, как утверждал Солженицын, допустим, да, он, пожалуй, был слишком идеалистичен... Я хотел бы процитировать один документ и на этом закончу, если у вас хватит терпения, думаю, стоит вспомнить этот документ, сэр Эндрю Вуд знает его, наверное, наизусть. Я думаю, что этот текст, который был актуален тогда, даже если он и не был до конца оценен по достоинству, актуален и сейчас. Он датирован 22 февраля 1946 года и написан Джорджем Кеннаном. Текст известен под названием “Длинная телеграмма”, в которой Кеннан впервые излагает свое видение СССР. Если вы поменяете Советский Союз на Россию, то текст почти не утратит своей актуальности.

«СССР до сих пор пребывает в антагонистическом «капиталистическом окружении», в котором не может быть обеспечено мирное сосуществование в долгосрочной перспективе. Согласно заявлению Сталина в 1927 году, обращенному к делегации американских рабочих: «В ходе дальнейшего развития мировой революции возникают два центра мирового значения: социалистический центр, притягивающий к себе страны, склоняющиеся в сторону социализма, и капиталистический центр, притягивающий страны, склоняющиеся в сторону капитализма. Капиталистический мир занят внутренними конфликтами, характерными для капиталистического общества. Эти конфликты не решаются с помощью мирного компромисса».

Поэтому Советский Союз, писал Кеннан, будет использовать любую возможность, чтобы ослабить Запад, проецировать свою мощь и культивировать чувство неопределенности. После чего он перешел к самой важной части. Во-первых, он объяснял, почему Советский Союз не собирается нападать на Соединенные Штаты. А потом, второе и самое главное:

«Во-вторых, прошу заметить, что предпосылки, на которых основан данный политический курс, по большей части являются ложными. Опыт показал, что мирное и взаимовыгодное сосуществование капиталистических и социалистических государств вполне допустимо. Источником основных внутренних конфликтов в передовых странах более не является капиталистическая собственность на средства производства, скорее они возникают из ускоряющейся урбанизации и индустриализации».

Это написано в 1946 году, когда Сталин был на пике своей власти после войны.

И далее в документе говорится, что советские люди хотят того же, что и западные люди, живущие в капиталистическом обществе. Они хотят свободы передвижения, хотят жить в мире, хотят иметь нормальную жизнь в своей собственной стране.

Если я вас заинтриговал, пожалуйста, прочтите этот текст целиком. Я действительно думаю, что это все еще невероятно важный документ как в своем анализе, так и в своих заключениях, одно из которых заканчивается замечательной фразой Кеннана о том, что худший способ справиться с противником – это уподобиться ему, скопировать его путь, что, как я думаю, сегодня является большим риском, особенно в Соединенных Штатах. Но мне кажется, что Россия находится на очень интересном перекрестке. Я понятия не имею, что будет дальше. Я понятия не имею, насколько велики будут потрясения, и они, вероятно, будут довольно значительными в силу уровня ущерба, нанесенного Путиным. Но я думаю, что Россия в этом смысле не находится в изоляции, и мы увидим эти потрясения не только в России, но и во всей Европе. Мы уже видим их во многих странах, включая Великобританию. Так что нам предстоит держаться крепче. Все, что я вижу, это то, что силы, которые движут спросом на улицах Москвы, не являются силами, совместимыми или желательными для того, что делает Владимир Путин. Потому что в основном он пытался, как мог, в течение последних 20 лет держаться за ту систему, которая начала формироваться в 1989 году. Я чувствую, что этот большой политический цикл подходит к концу, и определенно настало время для наведения мостов и перечитывания Кеннана и Сахарова.

Постараюсь быть кратким. Мы выслушали доклады всех экспертов, нам нужно еще оставить время для дискуссии. Трое из моих коллег были в целом воодушевлены последствиями недавних событий для будущего России. Возможно, дело в темпераменте, однако я, как и Михаил Шишкин, полагаю, что путь вперед может быть весьма тернистым.

Россия находится в состоянии паралича, это своего рода замороженная анархия. При Путине деятельность всех государственных институтов была сведена на нет, и они не способны к самостоятельным действиям. У Кремля нет эффективного способа решения экономических, социальных и политических проблем страны. Кроме того, Путин и его окружение еще не решили, как решить конституционную проблему продления его правления или его замены после окончания президентского срока в 2024 году. Единственный язык, которым они владеют, – это язык силы, как внутри страны, так и на международной арене. Поэтому вполне возможно, что как только усиление репрессий станет неэффективным, возможно, даже до 2024 года, России придется очень нелегко, как нелегко сейчас Венесуэле при Мадуро, России будет еще тяжелее, чем, например, Чили после Пиночета, где институты еще оставались достаточно эффективными, чтобы возродить демократические возможности.

Верно также и то, что выражения тревоги, надежды, оптимизма и отсутствие страха, которые были продемонстрированы на улицах Москвы и за ее пределами этим летом, свидетельствуют о пробуждении гражданского общества в России. Это, конечно, важно. Это отражает настроения в обществе, обусловленные решением Путина остаться на посту президента в 2012 году и его отказе даже от осторожной экономической и, следовательно, политической реформы на его инаугурации в том же году в пользу зарубежных авантюристов и внутренних репрессий. Чем больше становилось очевидным, что он и его ближайшее окружение озабочены прежде

всего сохранением своей власти, тем больше подрывалось доверие к нему и его политике. Это особенно проявилось в течение 2018 и 2019 годов, когда решение о пенсионной реформе кристаллизовало общественное негодование.

Безусловно, мы можем считать положительным то, что одним из результатов сравнительной потери Путиным общественной харизмы, наряду с предположением, что он будет держаться у власти и после 2024 года, является более интенсивное обсуждение, публичное или скрытое, вариантов, о которых должна думать Россия в плане управления, экономического развития и своего отношения к остальному миру, и к Европе в частности. Это так. Это очень важный процесс для того, чтобы начать решать вопросы, связанные с будущим российским правлением. Но Кремль, его сторонники и его инструменты полны решимости подавить это обсуждение. Никто не может сказать, насколько они в этом преуспеют.

Существует еще одна трудность на пути конструктивной эволюции от авторитарного правления к правлению, подотчетному гражданам России. Если вы спрашиваете Навального или людей, которые работают с ним, Ходорковского или других, что они думают о России, они обычно говорят одно и то же: у нас должны быть надлежащие законы, правительство должно быть подотчетным, и мы должны пересмотреть то, как мы управляем нашей экономикой, мы должны бороться с коррупцией и так далее и тому подобное. Все так, но, используя русское выражение, «как конкретно?», довольно трудно понять, как Россия на самом деле собирается решать проблемы, связанные с достижением этих похвальных целей. Как вы, например, собираетесь реформировать судебную систему? А это является ключевой целью. Как вы собираетесь найти и назначить надежных судей или других государственных чиновников? Или определить, как они должны работать? Коррумпированные или движимые личными интересами граждане России в настоящее время сильно заинтересованы в сохранении своей нынешней власти. Это относится как к людям со сравнительно небольшими полномочиями, так и к людям, облеченным властью всероссийского масштаба. Кроме того, судебная система состоит из судей, которые привыкли принимать приказы в отношении важных явлений, таких как заключение в тюрьму Свидетелей Иеговы. Я не отрицаю, что в России есть юристы и, возможно, судьи, которые имеют другую точку зрения, но как выбраться из болота, если экосистема права не реализуется должным образом, я не знаю.

Те же самые общие вопросы о том, как добиться эволюционных изменений в России при централизованном и дискредитировавшем себя авторитарном правлении, относятся и к другим руководящим органам. Правоохранительные органы в целом должны быть сосредоточены на охране общественного порядка, а не на лицензированной эксплуатации. Если вы преемник нынешнего министерства юстиции, вы всерьез планируете ставить защиту невинных людей выше интересов сильных мира сего? Если вы собираетесь реформировать экономику, вы должны прежде всего убедиться в том, что владельцы крупных экономических секторов — и те, кто контролирует более мелкие сектора, — подотчетны некоторым автономным и объективным учреждениям или условиям, которые еще предстоит установить. Вы также столкнетесь с очень трудной проблемой устаревания многих секторов

российской экономики. России нужен какой-то творческий прорыв. Это никому не нравится. Я помню, как трудно это было, например, в Британии при Тэтчер, стране, где действуют законы. Я не вижу, как совместные устремления честных людей, приверженных либеральным реформам в России, смогут воплотить их в конкретных действиях. Я не говорю, что это невозможно, я просто не вижу легких путей для России. В частности, я думаю, что в настоящее время нет институтов, которые могли бы направлять эти изменения и направлять политический дискурс.

Переходя, наконец, к общему вопросу об отношении западных правительств, в частности, к России, в контексте, который мы рассматриваем, они неизбежно смотрят в первую очередь на международные события и не очень охотно вникают в то, что происходит внутри России, их интересует, к примеру, захват Россией значительной части Украины. Они рассматривают это как проблему, которая должна быть решена путем переговоров с Россией. Я не думаю, что многие наши правительства задумывались о том, как помочь решить внутренние проблемы России, если бы российское правительство когда-нибудь снова попросило их об этом. В принципе, если когда-нибудь и будет существовать российское правительство с радикально иными взглядами и внутренней и внешней политикой, то это вполне может измениться. Но в нынешней практике Запад должен играть важную роль в том, чтобы быть менее восприимчивым к размещению в своих странах преступных фондов из России и получению от них прибыли. Это не так легко решить в одночасье, но мы должны к этому стремиться. Я не думаю, что в настоящее время у Запада есть конкретные планы относительно того, как помочь России, которая, возможно, когда-нибудь отважится на подлинные демократические перемены.

Подводя итоги, я считаю обнадеживающим то, что в России происходит пробуждение гражданского общества. Я думаю, что внутри России должен быть разговор между россиянами о том, какой страной они действительно хотели бы быть и как этого достичь. И мы, друзья российского народа, пусть и не друзья российского правительства в настоящее время, должны думать о том, как мы можем содействовать этому и поощрять диалог, в котором мы могли бы сыграть определенную роль; вполне вероятно, что в этом процессе должны сыграть свою роль и такие страны, как ваша, которые были частью Советского Союза и освободили себя – в Литве многое изменилось. Я думаю, что есть определенная роль для вас, определенная роль для нас, для того чтобы попытаться помочь Украине, они находятся на том же пути, и будем надеяться, что это задаст определенное направление и России, которое поможет ей исцелиться. Я не думаю, что мы сможем сделать это сами. И я думаю, что это будет долгий путь. И опасность неприятного коллапса, к сожалению, на мой взгляд, по меньшей мере так же велика, как и возможность стабильного или быстрого прогресса в демократическом направлении. Я не верю, что Путин захочет уйти в 2024 году. Если он это сделает, я не уверен, кто защитит его от друзей и врагов. Поэтому, чтобы закончить там, где я начал, я склоняюсь к пессимизму, к анализу Шишкина, нежели к анализу Островского. К моему глубочайшему сожалению.

Спасибо, что выслушали меня. Это был для меня удивительный опыт – беседовать с такими выдающимися людьми и впервые посетить Каунас. Спасибо.

Вячеслав Бахмин – участник правозащитного движения, бывший политзаключенный. С 1989 года член Московской Хельсинкской группы. В 1991–95 гг. возглавлял Департамент по международному гуманитарному и культурному сотрудничеству Министерства иностранных дел Российской Федерации. С 1995 по 2003 год был в руководстве созданного в России Института «Открытое общество» (Фонд Сороса). С 2004 года работал как консультант Фонда Ч.С. Мотта в Российской Федерации. Является членом оргкомитета Общероссийского гражданского форума, председателем экспертного совета фонда Политехнического музея, председателем Сахаровского центра, сопредседателем МХГ, а также членом экспертных советов различных донорских благотворительных программ и организаций. Автор книг «О фондах в России» (издательство «Логос», 2004) и «Проектирование и проведение грантового конкурса» (Архангельск, 2016).

Евгений Гиндилис окончил факультет истории и теории кино Школы искусств Тиша Нью-Йоркского университета (1994). Работал на телевизионных каналах в США и России. С 1998 года работал продюсером и руководителем отдела международных проектов кинокомпании «НТВ-профит». В 2004 году основал кинокомпанию «Твинди», с 2009 года возглавляет CentEast Moscow, с 2012 года – исполнительный директор Red Square Screenings. Гиндилис является членом Европейской киноакадемии и Киносоюза. Режиссер фильма «Выбирая Россию», снятый вместе с Кириллом Роговым.

Аркадий Островский – редактор отдела России и Восточной Европы журнала The Economist. До этого с марта 2007 года возглавлял московское бюро The Economist, освещая, в частности, аннексию Крыма и войну в Украине. Прежде 10 лет проработал в Financial Times, где писал о российской политике и бизнесе, включая дело ЮКОСа. В своих статьях он одним из первых предупреждал западный мир о возрождении в России полицейского государства под руководством Владимира Путина. В журнале The Economist Аркадий также пишет о российско-американских отношениях, европейской безопасности, России и Китае, Украине, Грузии и других бывших советских республиках. Является автором книги «The Invention of Russia. The Rise of Putin and the Age of Fake News», которая была опубликована в 2015 году издательством Atlantic Book в Великобритании и в 2016 году издательством Viking в США. Регулярно участвует в радио- и телевизионных программах по всему миру, в частности, на BBC и NPR. Аркадий имеет докторскую степень по английской литературе (Кембриджский университет, 1998) и внес вклад в первую Кембриджскую историю русского театра, а также в сборники очерков по истории театра, опубликованные в Америке, Великобритании, Франции, России и Бразилии. Его переводы трилогии Тома Стоппарда «Берег утопии» и пьесы «Рок-н-ролл» изданы и поставлены в России.

Михаил Шишкин родился в Москве в 1961 году. В 1995 году переехал по семейным обстоятельствам в Швейцарию, в Цюрих, где работал учителем и переводчиком в миграционной службе. Михаил Шишкин – единственный писатель, получивший все три наиболее престижные российские литературные премии: «Букер» за роман «Взятие Измаила» (2000), «Национальный бестселлер» за роман «Венерин волос» (2005) и «Большая книга» за «Письмовник» (2010). Книги Шишкина переведены на 30 языков. Его эссе публикуются в главных мировых изданиях, таких как New York Times, Le Mond, The Guardian и другие. Живет под Базелем.

Эндрю Вуд – британский дипломат с 1961 по 2000 год, в том числе в Москве (1964–1966 и 1979–1982). С 1995 по 2000 год был послом Великобритании в России. Также служил послом в Вашингтоне (1967–1970 и 1989–1992) и в Белграде (1975–1979 и 1985–1989). С 2000 по 2014 гг. работал в ряде британских компаний, имеющих интересы в России и других бывших советских странах. В течение последних десяти лет был членом-корреспондентом Chatham House, написал ряд статей по вопросам, связанным с Россией, и публиковался в различных средствах массовой информации.

Научно-исследовательский центр демократического развития им. Андрея Сахарова объединяет современные научные исследования о ситуации в Восточной Европе и бывшем СССР с уже имеющимися в Университете Витаутаса Великого (УВВ) многопрофильными экспертными знаниями о прошлых и текущих политических и социальных событиях в регионе.

Центр стимулирует междисциплинарное и многонациональное сотрудничество между УВВ и его партнерами в других странах и позволяет исследователям пользоваться обширными архивными фондами университета, содержащими документы о политической свободе, репрессиях и оппозиционном движении в регионе, с целью получения лучшего понимания процессов, которые могут повлиять на современную ситуацию.

Исследовательский центр информирует и просвещает как академическое, так и неакадемическое сообщество, уделяя особое внимание молодым поколениям, которым зачастую недостает знаний о прошлом для понимания настоящего и его возможных последствий для будущего.

Центр:

- Организует публичные мероприятия, семинары и круглые столы, в том числе ежегодные мероприятия в память о наследии и моральном авторитете Андрея Дмитриевича Сахарова;
- Поддерживает научные исследования и содействует публикации научных докладов, монографий и других трудов, способствующих достижению целей Центра;
- Собирает опубликованные материалы и архивные фонды, имеющие отношение к целям Центра, и предоставляет исследователям доступ к ним;
- Содействует развитию демократического общества, основанного на верховенстве права, и поддерживает тех, кто сталкивается с сопротивлением со стороны недемократических и нелиберальных сил.

Научно-исследовательский центр демократического
развития им. Андрея Сахарова

Исполнительный директор:

Роберт ван Ворен, rvvoren@sakharovcenter.eu

Офис-менеджер: Дайнюс Генис, dgenys@sakharovcenter.eu

S. Daukanto 27-304, 44249 Каунас, Литва

<http://www.sakharovcenter-vdu.eu>

ANDREI SAKHAROV
RESEARCH CENTRE
FOR DEMOCRATIC
DEVELOPMENT
at Vytautas Magnus University